

НЕМЕЦКО-ЧЕШСКО-ВЕНГЕРСКО-РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Йожеф Юхас

(Juhász József, H-1137 Budapest, Katona József u. 31. I. em. 1.)

1. Прежде всего хочу оговорить, в каком понимании я использую термин "параллель" при сопоставительном изучении фразеологических единиц (в дальнейшем – ФЕ) различных – родственных и неродственных – языков. О фразеологических параллелях я говорю в тех случаях, когда могу во фразеологическом материале двух или более языков продемонстрировать соответствие ФЕ при всевозможных их трактовках. Это соответствие в первую очередь означает то, что значение ФЕ, о которых идет речь, эквивалентно. Например, значения немецкой ФЕ *seine Haut zu Markte tragen*, чешской *nést/nosit svou kůži na trh* и венгерской *vásárra viszi a bőrért* полностью совпадают. Далее для этого соответствия необходимо, чтобы значения отдельных слов, образующих отмеченные ФЕ, также находились в отношении эквивалентности: в данном случае значения немецкого глагола *tragen*, чешского *nést/nosit* и венгерского *visz* равным образом соответствуют значению русского глагола *носить*. То же самое можно сказать об эквивалентности значений и остальных слов. Третье условие – это возможно полное морфологическое и структурное соответствие исследуемых с точки зрения параллелизма ФЕ. Это последнее явление я называю конгруэнцией. Таким образом, если мы можем в одинаковой мере в отдельных ФЕ двух или более языков установить эту их двоякую семантическую эквивалентность, а далее на грамматическом уровне – конгруэнцию, тогда мы можем говорить о фразеологических параллелях в узком смысле этого слова во фразеологическом материале различных языков. Ниже я намереваюсь говорить именно о таких безупречных со всех трех точек зрения фразеологических параллелях в означенных языках. Общеизвестно, что фразеологам в многочисленных случаях приходится иметь дело только с приблизительно полными или толь-

ко частичными соответствиями. Исследование их не менее интересно и важно, чем исследование полных параллелей. Но поскольку ниже я анализирую такие чешские и венгерские ФЕ, которые являются кальками немецких, то я сосредоточиваю внимание на материале, находящемся в отношениях полного параллелизма, так как именно в этом случае можно с наибольшей достоверностью установить факт калькирования. Не стану возражать, что так называемые "полукальки" – как упоминают этот тип А.Л. Зеленецкий и Р.Ф. Монахов (1983) – тоже важны; все же ситуация такова, что часть полукалек может быть недостоверной с точки зрения их происхождения. Потому я рассматриваю лишь наиболее достоверные в этом отношении случаи, т.е. кальки, соответствующие требованиям полного параллелизма. Уступок не делается даже в случае малейшего лексического расхождения. Применение тройного критерия тоже далеко не полностью беспроблемно. Принимая во внимание характерные свойства отдельных языков, надо уметь гибко применять указанные требования. Это особенно часто затрагивает проблемы, относящиеся к морфологической и структурной конгруэнции, но в меньшей мере встречается и в ходе сопоставления лексических соответствий. Общеизвестно, что управление эквивалентных слов в различных языках не всегда совпадает. На мой взгляд, это не может быть препятствием тому, чтобы мы могли установить в подобных случаях конгруэнцию. В других, например, случаях мнимую проблему создает расхождение в грамматическом числе. Известно, скажем, что в венгерском языке названия парных частей тела (руки, ноги, глаза, уши) употребляются в большинстве случаев в единственном числе, тогда как их немецкие, чешские, русские лексические соответствия выступают во множественном числе. Это свойство венгерского речевого употребления мы, очевидно, не можем трактовать как исключаящую причину с точки зрения установления конгруэнции. Сравнительно малая частота префиксальных глаголов в немецком языке и их обилие в чешском, русском и венгерском языках тоже представляют такое явление, с которым следует считаться при сопоставлении. Еще одна из проблем – наличие артиклей в венгерском и немецком языках и их отсутствие в чешском и русском. Опыт показывает, что и грамматическое управление часто различается даже в

близкородственных языках. Естественно, еще больше это выявляется в отношениях неродственных языков. Я думаю, что мы поступим правильно, если в плане языковых сопоставлений будем трактовать эти специфические явления гибко.

2. В ходе моего ознакомления с чешской фразеологией я обнаружил, что в венгерском и чешском языках есть многочисленные фразеологические соответствия. К тому же они почти без исключения таковы, что их же соответствия хорошо известны и из немецкой фразеологии. Например: *den Nagel auf den Kopf treffen* – *trefft hřebík na hlavičku* – *fején találja a szeg; nicht wissen, wo einem der Kopf steht* – *nevědět, kde (mu) hlava stojí* – *nem tudja, hol áll a feje; etw. auf den Nagel hängen* – *pověsit něco na hřebík* – *szegre akaszt vmit; seine Haut zu Markte tragen* – *nést/nosit svou kůži na trh* – *vásárra viszi a bőrét; über j-m den Stab brechen* – *lámat/zlomit hůl nad někým* – *pálcát tör valaki felett* и т.д. Подобные примеры для ФЕ этого, т.е. глагольного, типа (как, впрочем, и для других типов тоже) можно было бы приводить сотни. Мне становилось все яснее, что речь идет о кальках. При этом я был уверен, что параллелей в таком количестве напрасно было бы искать в случае сопоставительного анализа, скажем, литовского, испанского и албанского фразеологического материала. В языках далеких географически и по культуре народов тоже могут сформироваться определенные ФЕ, подобные как по взгляду на действительность, так и в языковом плане. В этой связи интересные и разнообразные примеры встречаются в статье Ю.П. Сологуба (1982). Но число их и им подобных незначительно в соотношении к немецко-чешско-венгерскому общему фразеологическому материалу. С другой стороны, эти ФЕ в лучшем случае могут соответствовать упомянутому выше тройному требованию только в малом количестве. Из этого следует, что должна быть какая-то реальная причина того, что немецкий, чешский и венгерский языки дают в таком изобилии фразеологические параллели, указывающие на факт калькирования.

3. Носители всех трех языков, о которых идет речь, – немцы, венгры, чехи – жили на смежных территориях, находились друг с другом в исторически сложившихся контактах, в более или менее тесных политических, экономических и культурных связях. Доминирующим центром этой реальной общности, оформленной и на уров-

не государственности, была немецкая национальность, германство. В истории Венгрии и Чехии есть, как совершенно верно показывает в своей работе "Чешско-венгерские параллели" Р. Пражак (Pražák 1991), довольно много сходств и параллелей. Но сходство, естественно, не есть тождество. Властные домогательства Габсбургов больше воплотились в Чехии, нежели в Венгрии. Империя Габсбургов от начала XVII ст. распространила свою власть на Чехию, а в последующем низвела земли чехов и моравов до уровня наследственной провинции. Германизация чешских городов прогрессировала, влияние немецкоязычной части населения, а затем и распространившееся в кругу чехов в больших городах (особенно в Праге) двуязычие едва не поставило под угрозу существование самого чешского языка. Распространение немецкого языка (а с ним и его фразеологии) мощно шло не только письменным путем, но и в устном общении. О последнем свидетельствуют многочисленные чешские фразеологизмы, не носящие характер литературного языка, в которых есть немецкие лексические элементы: *eine Extrawurst wollen – chít samé extraburšty, mit j-m halbpant machen – jít na holport/do holportu, an der Vorhand sein – být na forhontě, zugrunde gehen – jít/přijít cugrunt* и т.д. От начала XIX в. чешское движение за обновление языка развернуло сильное противодействие в интересах очистки, развития и усиления позиций чешского языка, но немецкий пример и образец не могли отсутствовать даже и в этом движении. – В Венгрии до известной степени ситуация была похожей, но противостояние немецкому влиянию было более результативным, а двуязычие при этом не набрало такого размаха, как у чехов. Вместе с тем немецкое языковое и культурное воздействие также имело успех и в Венгрии, хотя и в меньшем размере. Очевидно, этим может объясняться то, что в венгерском языке мы встречаем в меньшем по сравнению с чешским языком числе фразеологические единства, возникшие путем перевода немецких ФЕ. Что касается венгерского движения за обновление языка, то его начало несколько опередило чешское. Впрочем, принципы чешского и венгерского обновления языка – очевидно, не независимо от взглядов Аделунга и других немецких представителей обновления языка – показывают высокую степень схожести.

4. Возникает также вопрос возможностей венгерского и чешского культурного языкового взаимовлияния. Было бы неправильным недооценивать тот интерес, который проявляли лучшие представители духовной жизни обоих народов к литературе и культуре друг друга. В то же время заметное прямое языковое взаимовоздействие вряд ли могло сформироваться: ведь в более широких кругах население не было знакомо с языками друг друга, о венгерско-чешском двуязычии в действительном смысле этого слова мы не можем говорить, так как эти два народа никогда не жили в этническом контакте. Хотя в общей армии, где командным языком был немецкий, служили вместе чехи и венгры, но проявление этого обстоятельства в языковом плане ограничивается немногочисленными курьезами. Если взять более высокие сферы духовной жизни, например литературу, то художественные произведения попадали к обоим народам в переводах. Значит, влияние немецкого языка на венгерский и чешский было параллельным процессом, в котором, естественно, можно обнаружить много сходств, но немецкое влияние по-отдельному коснулось венгерского и чешского языков. (Нередко встречаются такие случаи, в которых языковая оформленность ясно показывает, что венгерская ФЕ является непосредственным переводом из немецкого и что о чешском посредничестве не может быть и речи. Хороший пример этого случая – фразеологизм *die Zeit totschlagen – zabít čas – agyonüti az időt*. В немецком и венгерском вариантах глагольные префиксы (а по сути дела – первые члены сложных слов) семантически полностью соответствуют друг другу, в противоположность чему в случаях чешского *za | bít* или русского *у | бить* о семантической самостоятельности префиксов говорить нельзя. Если бы для венгерской ФЕ образцом стало чешское *zabít*, то наверняка теперь мы вместо глагола *agyonüt* 'бить до состояния размозжения' видели бы глагол *megöl* 'убить'.) Чехи в большей мере были подвержены немецкому влиянию. В области фразеологии об этом свидетельствует и то, что в чешском мы можем увидеть такие многочисленные фразеологические кальки, для которых нет венгерских эквивалентов. Продемонстрирую несколько примеров из этого материала: *sich an etw. gelegen sein lassen – nechat si na něčem záležet, etw. zum Besten geben – dát/dávat něco k dobru, j-n kurzhalten – držet ně-*

koho zkrátka/krátce; in die Jahre kommen – přijít/přicházet/jít do let, die Flinte ins Korn werfen – hodit flintu do žita, langeweile haben – mít dlouhou chvíli, j-n scharf anfahren – jít na někoho/něco z(v)ostra, überall Gespenster sehen – vidět všude duchy.

Теоретически не исключено, что некоторые из этих фразеологизмов являются на базе чешско-немецкого двуязычия не немецкими, а чешскими по происхождению, однако для такого вывода у меня нет никаких доказательств. Впрочем, выглядит невероятным, чтобы в условиях государственного перевеса германства языковое влияние могло развиваться в обратном направлении. Возвращаясь к венгерскочешским языковым отношениям в связи с одним характерным обстоятельством, отмечу, что мне встретилось достаточно таких фразеологизмов, которые согласуются в венгерском и чешском, но их предполагаемые общие образцы в немецком я не обнаружил ни в одном словаре. Вот некоторые из этих фразеологизмов: *fát hagy vágni a hátán – dát/nechat na sobě dříví štípat, egy kalap alá vesz vmiket – dostat všechno pod jeden klobouk, több van egy kerékkel vkinek – mít o kolečko víc, nem nagy lumen – nebyt žádný lumen, vaj van a fején vkinek – mít máslo na hlavě, a fejére szarik vkinek – srát někomu na hlavu, a plafonig ugrik – skákat (bolestí) až do stropu, ától zéig/cettig – znát něco od á (až) do zet.* Последний пример однозначно позволяет сделать вывод о его немецком происхождении, даже если в словарях и нет такого немецкого фразеологизма. В этой связи возникает вопрос о том, достаточно ли отражают немецкие словари австрийскую фразеологию. Я полагаю, что нет. Насколько я осведомлен от известного германиста-фразеолога Чабы Фёлдеша, в Австрии можно ознакомиться с большим собранным картотечным материалом австрийской немецкой фразеологии, однако его издание – дело будущего. А до тех пор мы не можем получить более полного ответа в связи с вышеприведенными фразеологизмами.

Хотя и коротко, но я должен бы сказать также о том обстоятельстве, которое некоторым образом может ставить под вопрос однозначность доминанции немецкого языка при трактовке фразеологических калек в чешском, венгерском и других языках. Ведь согласно словарям, немалая часть обсуждаемой фразеологии обнаруживается также во французском языке (естественно, в форме парал-

лельных соответствий). Этот факт дает основание задаться вопросом, не французская фразеология ли послужила образцом для создания немецких и венгерских параллелей. В случае чешского языка (со ссылкой на имевшее место стойкое и интенсивное влияние немецкого языка) в целом мы не можем считать вероятной возможность французского источника (даже если в отношении некоторых случаев и не исключать его). Что касается венгерского языка, то и здесь ситуация не выглядит существенно иной. Следовательно, в случае обоих языков намного более вероятно немецкое влияние. Следующий вопрос: какова ситуация в трактовке многочисленных элементов французского и немецкого фразеологического параллелизма? Ответ подсказывают исторические обстоятельства. Известно, что французская культура во время ее широкого развития однозначно опережала масштабное развитие немецкого просвещения, так что выглядит вероятным, что в отношениях этих двух языков доминировало влияние французской фразеологии. С процессом, имеющим обратное направление, считаться вряд ли возможно. Таким образом, в случае тех фразеологических образцов, кальки которых мы также можем наблюдать в чешском и, в несколько меньшем процентном соотношении, в венгерском языках, если при этом служащие образцом ФЕ наблюдаются также как во французском, так и в немецком языках, языком-посредником мог быть немецкий язык.

5. Немецкое языковое влияние, как мы знаем, не ограничивалось языками народов (чехов, венгров, хорватов, поляков), живших на территории монархии Габсбургов того времени. Развиваясь на восток, оно коснулось также и России, особенно в XIX в. (К. Флекштейн (1963) выделяет в первую очередь русские кальки немецких сложных слов: *Nordlicht* – северное сияние, *Mehrwert* – прибавочная стоимость и т.д., при этом автор особое внимание уделяет немецким существительным с начальной частью *Selbst-*: *Selbstgefühl* – самочувствие, *Selbstbewußtsein* – самосознание и т.д., отмечая, однако, что кальки другого типа, образованные на немецкой базе, также встречаются в языке русской публицистики XIX в.) Русская аристократия традиционно придерживалась французской ориентации, но набравшее в прошлом столетии большой размах промышленное развитие и расширение торговли повлекли за собой усиление контактов с не-

мецкой экономикой и культурой. В России XIX века заметно возросла и роль немецкого языка. Сравнительно мощным был этот процесс особенно в публицистике, но ощутим он также и в других сферах. Следовательно, мы с полным основанием можем предположить, что и в русском языке встретим такие ФЕ, которые в качестве калек можно возводить – прямо или косвенно – к немецким образцам. Также а priori мне с достаточной вероятностью представлялось и то, что русская фразеология не настолько насыщена немецкими по происхождению параллелями, как венгерская или чешская. Таким образом, в целях своего исследования я привлекал русский в качестве контрольного языка. При этом я хотел увидеть долю немецкого языкового влияния, с одной стороны, в той сфере, которая демонстрирует сильное германское влияние, с другой стороны – в языке страны, географически более отдаленной, а помимо того в своей ориентации не так однозначно связанной с германством. Результат, в сущности, получился соответственным исходной посылке, с той разницей, что количество соответствующих русских фразеологических параллелей оказалось несколько большим по сравнению с предполагавшимся. Прежде чем привести некоторые примеры, замечу, что если мы примем за 100% указывающие на немецкие образцы чешские фразеологические параллели, то доля венгерского материала уверенно составит 65-70%, а русского – примерно 30-35%. (Разумеется, относительно русского материала мы можем с большей вероятностью, чем по отношению к венгерскому и чешскому, полагать влияние французского языка. Но точно установить, какие это были конкретные случаи, в которых мы должны были бы считаться с французским языком, к сожалению, невозможно.) Приведенные числа, естественно, дают представление о соотношении в общих чертах. Соотношение же, выраженное в абсолютных числах, показать было бы трудно. Продемонстрирую несколько примеров немецко-чешско-венгерско-русских параллелей: *bei Wasser und Brot sitzen* – *být o chlebu a vodě* – *kenyéren és vízen (van, tartják)* – *сидеть на хлебе и воде*, *das Rad der Geschichte zurückdrehen* – *otočit kolo dějin zpět* – *visszaforgatja a történelem kerekét* – *вернуть колесо истории вспять*, *seine Stimme erheben* – *pozvednout hlas* – *felemeli a hangját* – *поднять свой голос*, *auf sich warten lassen* – *dát/nechát na sebe čekát* – *várat magá-*

ra – заставлять себя ждать, *die Zeit totschiagen* – убít/zabít čas – *agyonüti az időt* – убивать время, *sich an den Kopf greifen* – *chytat se za hlavu* – *a fejéhez kap* – хвататься за голову, *j-m die Tür weisen* – *ukázat někomu dveře* – *ajtót mutat vkinek* – указать кому-н. на дверь.

В качестве отклонения от типичного встречаются случаи, когда наряду с немецким и чешским имеется русское соответствие, тогда как отсутствует венгерское: *Milch und Blut sein* – *být krev a mlíko* – *быть кровь с молоком*.

Подводя итоги, подчеркну: использование контрольного языка оказалось методически верным, поскольку показало себя результативным и полезным. Вместо русского языка, разумеется, можно было бы предположить в этой роли какой-либо более далекий во всех аспектах язык, но для этого у меня не было возможностей. Привлечение русского языка для исследования и так не было, по моему мнению, бесполезным, поскольку наглядно выявило, как снижается удельный вес языкового влияния по мере удаления от языкоисточника. Формирование своеобразного круга языковых явлений, фразеологии на определенной территории, которую политические и государственные силы охватили в более или менее тесное единство, – это наглядно показывает направление и весомость распространения волн влияния в некотором определенном культурном круге. По-видимому, анализ лексического состава – терминологии различных профессиональных областей и прочего лексического материала – усилил бы, и вместе с тем больше бы оттенил и дополнил то, о чем также дает представление настоящая статья.

ЛИТЕРАТУРА

- Зеленецкий, А.Л. – Монахов, П.Ф. 1983, *Сравнительная типология немецкого и русского языков*. Москва.
- Молотков, А.И. 1967, *Фразеологический словарь русского языка*. Москва.
- Сологуб, Ю.П. 1982, К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках. *ВЯ* № 2, 106–114.
- Федоров, А.В. – Кузнецова, Н.Н. – Морозова, Е.Н. – Цыганова, И.А. 1961, *Немецко-русские языковые параллели*. Москва.

Флекштейн, К. 1963, О кальках с немецкого в современном русском литературном языке. *Славянская филология*, вып. 5, 298-309.

Čermák, F. - Hronek, J. - Macháč, J. 1994, *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesně*. Praha: Akademie.

Földes, Cs. 1990, Zur Äquivalenz ungarischer und deutscher Phrasologismen. *Finnisch-Ungarische Forschungen* 49, 1-3. Helsinki.

Hüttl-Wörth, G. 1956, *Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im 18. Jh.*, 70-72.

Pražák, R. 1991, *Cseh-magyar párhuzamok*. Budapest: Gondolat.

Перевод с венгерского Н.И. Зубова